
Исследование психологических особенностей коррупционных преступников с помощью проективной методики

Кроз М.В., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности, Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО АГП РФ) (*m.kroz@mail.ru*)

Ратинова Н.А., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности, Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО АГП РФ) (*ratinova.n@yandex.ru*)

В статье изложена вторая часть психологического исследования личности коррупционных преступников. Приводятся результаты, полученные с помощью проективной методики «Цветовой тест отношений» в сопоставлении с представленными ранее данными опросных методик. Теоретической основой исследования служила ценностно-нормативная теория личности преступника А.Р. Ратинова, поэтому основное внимание в нем уделялось анализу системы ценностей коррупционеров. Были выявлены особенности осознаваемых и неосознаваемых ценностных предпочтений коррупционных преступников и законопослушных граждан, проведено их сопоставление. Определены наиболее и наименее значимые ценности, дефекты правосознания

Ключевые слова: коррупционные преступники, личность, ценностные ориентации, правосознание, Цветовой тест отношений.

Для цитаты:

Кроз М.В., Ратинова Н.А. Исследование психологических особенностей коррупционных преступников с помощью проективной методики. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 135-149. doi: 10.17759/psylaw.2018080310

For citation:

Kroz M.V., Ratinova N.A. Research of psychological features of corruption criminals with the help of projective technique. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 3, pp. 135-149. doi: 10.17759/psylaw.2018080310

Исследование психологических особенностей лиц, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности, проводилось в 2016–2017 гг. в Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (сейчас – Университете прокуратуры) в рамках междисциплинарного проекта «Личность коррупционного преступника» с участием психологов, криминологов, специалистов в области уголовного права. Было обследовано 72 человека, отбывавших наказание в исправительных учреждениях строгого режима за совершение преступлений коррупционной направленности (преимущественно по ст. 290 УК РФ («получение взятки»). В качестве контрольной группы выступали законопослушные государственные служащие различного профиля (61 человек), не привлекавшиеся к уголовной ответственности.

Теоретической основой психологического исследования выступала *ценностно-нормативная теория личности преступника* А.Р. Ратинова [7; 8], поэтому основное внимание уделялось изучению ценностных ориентаций коррупционных преступников (в сравнении с законопослушными гражданами). Авторы стремились разносторонне изучить ценностную сферу коррупционеров и некоторые их личностные особенности, как осознаваемые, так и неосознаваемые тенденции. В первом случае использовался блок опросных методик: тест ценностных ориентаций М. Рокича (адаптированный Д.А. Леонтьевым) [6]; тест «Смысл жизни» (СЖ), разработанный А.Р. Ратиновым и его коллегами в 70-х гг. XX в.; методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере», предложенная О.Ф. Потемкиной¹; опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда [1], а также опросник «Честность»², применявшийся для оценки достоверности полученных результатов. Результаты по этому блоку методик были опубликованы в первой статье [5].

Помимо тестов-опросников, в исследовании применялась проективная методика «Цветовой тест отношений», разработанная в 1985 г. Е.Ф. Бажиным и А.М. Эткиндом [2; 10; 11]. В ее основу был положен цветоассоциативный эксперимент, позволяющий изучать как осознаваемый, так и неосознаваемый уровни отношений человека, предпочтения им тех или иных социальных объектов. Поэтому она была включена в общую батарею тестов, несмотря на высокую трудоемкость применения (выполнялась в «диалоговом режиме» с испытуемыми) и обработки полученных данных. В исследовании ЦТО применялся не только для выявления ценностных предпочтений опрошенных, но и как средство верификации данных опросных методик.

Авторами был разработан перечень понятий, по которым, предположительно, коррупционные преступники и законопослушные граждане должны давать различающиеся эмоциональные оценки (отраженные в цветовых ассоциациях). Первоначально данный список включал более 60 позиций. Далее осуществлялась экспертная оценка входивших в него понятий. Ее проводили 12 специалистов по проблеме изучения коррупции и/или работе с методикой ЦТО³.

¹ См., например: URL: <http://psytests.org/personal/potemkina.html>

² См.: URL: <http://azps.ru/tests/kit/kit1011.html>

³ Поскольку в России очень мало лично знакомых авторам исследования специалистов, профессионально разбирающихся в тонкостях использования ЦТО и одновременно знакомых с проблемами изучения личности коррупционера, подбор экспертов в основном осуществлялся по принципу «или/или».

Перед экспертами ставились два вопроса: 1) «Какие понятия из предложенного списка, по Вашему мнению, будут по-разному оцениваться лицами, склонными и не склонными к коррупционным преступлениям? Отметьте, пожалуйста, наиболее значимые – не более половины списка»; 2) «Какие понятия Вы рекомендовали бы дополнительно включить в список для ЦТО («маркеры», дифференцирующие преступников-коррупционеров от законопослушных граждан)?».

После обобщения данных экспертной оценки перечень понятий был сокращен до 28 пунктов, по которым эксперты дали наиболее согласованные оценки. Они распределялись по пяти группам:

- *ценности «благосостояния» («обладания»)*, отражающие стремление к материальному достатку, а также противоположные им – бескорыстие, достаток, богатство, альтруизм, роскошь, выгода;
- *просоциальные ценности* – репутация, совесть, мораль, закон, власть;
- *ценности статуса, престижа* – уважение, честолюбие, карьера, престиж;
- *личностные качества* – самостоятельность, порядочность, ответственность, независимость, практичность, решительность, предприимчивость, прагматизм, хитрость, изворотливость;
- *отношение к риску* – осторожность, риск, опасность.

Таким образом, в первые три группы входили понятия, характеризующие разные группы смысложизненных ценностей. Четвертую группу образовывали человеческие качества, которые в терминах подхода М. Рокича можно также рассматривать как инструментальные ценности (ценности-средства, т. е. те свойства человека, которыми ему необходимо обладать для того, чтобы успешнее добиваться достижения поставленных целей). Содержательно они лишь частично пересекались со списками ценностей из использованных опросных методик.

В перечень сознательно не включались понятия и качества, традиционно оцениваемые негативно, такие как эгоизм, корысть, черствость и т. д. Они заменялись понятиями, противоположными по смыслу – альтруизм, бескорыстие. Их место в общем ряду и цветовые ассоциации опосредованно показывали отношение к понятиям-антонимам.

Этот перечень был дополнен еще 35 понятиями, предназначенными для того, чтобы не дать испытуемым возможности определить, в чем заключается смысл исследования («маскировочные» понятия). Часть из них были эмоционально нейтральными («школа», «спорт», «лето»), другие обладали выраженной эмоциональной окрашенностью различного знака («жизнь», «смерть», «правда», «ложь», «друг», «враг» и т. д.). Все понятия, и тестовые, и «маскировочные», были перемешаны и предъявлялись испытуемым в случайном порядке. Далее представлены результаты исследования, относящиеся лишь к оценкам понятий из основного списка.

При обработке данных для каждой цветовой ассоциации использовались два параметра оценки: собственно выбранный цвет, ассоциирующийся с понятием (объектом, явлением), и его место (ранг) в индивидуальной цветовой раскладке. Далее на основе

суммы весовых коэффициентов рангов подсчитывались средние значения «удельного веса» для каждого понятия и строились ранжированные ряды по группам коррупционных преступников и законопослушных лиц. Кроме того, определялись частоты выбора каждого из цветов по каждому понятию опять же по каждой группе в целом.

В ходе анализа весь перечень качеств был разделен на четыре четверти: первая включала ранги с 1-го по 7-й; вторая – с 8-го по 14-й; третья – с 15-го по 21-й и, наконец, ранги с 22-го по 28-й образовывали четвертую четверть. Условно первую четверть можно обозначить как «высокозначимые, позитивные ценности», четвертую – как «отвергаемые, негативные». Вторая и третья занимают промежуточные позиции, могут обозначаться как нейтрально-позитивная и нейтрально-негативная.

В таблицах 1 – 5 представлены обобщенные рейтинги оценок, полученных на основе цветовых ассоциаций, по указанным выше пяти группам понятий для коррупционных преступников и законопослушных граждан.

Таблица 1

Ценности «благосостояния»

Понятие	Коррупционные преступники		Контрольная группа		Разница рангов
	Четверть	Ранг	Четверть	Ранг	
Бескорыстие	1	7	1	2	5
Достаток	2	10	1	7	3
Богатство	3	16	3	17	-1
Альтруизм	3	18	2	12	6
Выгода	3	21	4	22	-1
Роскошь	3	19	4	20	-1

Большинство понятий, вошедших в данную категорию, оцениваются как коррупционерами, так и законопослушными испытуемыми не слишком высоко. В целом, отношение к указанным явлениям и качествам у представителей основной и контрольной группы достаточно близкое, более того, значимость «достатка» для законопослушных лиц даже выше, чем для осужденных (7-е и 10-е места в соответствующих ранговых рядах). Три понятия из четырех, характеризующие материальные ценности, находятся в третьей четверти, т. е. в группе «нейтрально-негативных», и лишь одно – во второй четверти списка.

Наиболее интересной здесь представляется существенная разница в оценках таких понятий, как бескорыстие и альтруизм, выбранных в качестве противоположностей корысти и эгоизму. Если в контрольной группе бескорыстие стоит на втором месте перечня, то у коррупционеров существенно ниже – на 7-м месте, последнем в первой четверти, разница в рангах составляет 5 позиций. Еще больше различается отношение к альтруизму. В

контрольной группе это понятие находится во второй четверти списка, занимая 12-ю позицию, тогда как у коррупционеров его ценность существенно ниже – третья четверть, 18 ранг. Различие в рангах здесь достигает 6. Интересно, что 23,6% преступников ассоциировали это понятие с серым цветом, что в интерпретации значений цветовых выборов по М. Люшеру обозначает безразличие, дистанцированность, избегание.

Таким образом, и для коррупционных преступников, и для законопослушных граждан значимость материальных ценностей по проективной методике ЦТО наиболее близка к значению соответствующего показателя теста М. Рокича («материально обеспеченная жизнь»): он расположен не в самом конце ранжированного списка (как получилось по результатам тестов О.Ф. Потемкиной и «Смысл жизни»), а во второй половине перечня.

Таблица 2

Просоциальные ценности

Понятие	Коррупционные преступники		Контрольная группа		Разница рангов
	Четверть	Ранг	Четверть	Ранг	
Репутация	1	6	1	6	0
Совесть	2	8	2	10	-2
Мораль	2	12	2	8	4
Закон	4	23	3	16	7
Власть	4	25	4	27	-2

Прежде всего отметим, что представители обеих групп заботятся о своей репутации. Остальные же результаты сравнения оценок по этой группе понятий весьма показательны, хотя и нерадостны. У коррупционных преступников, хотя и незначительно, но выше, чем у законопослушных, оказался ранг такой базовой моральной категории, как совесть (8-я и 10-я позиции соответственно в двух ранговых рядах). При этом ценность морали для них, напротив, ниже, чем в контрольной группе (12-й и 8-й ранги в двух рядах). У представителей контрольной группы, наоборот, ценность морали, хотя и незначительно, но выше, чем совести (10-я и 8-я позиции в ряду).

В то же время следует указать на то, что у 22,2% коррупционеров понятие «совесть» ассоциировалось с серым цветом, что означает тенденцию отстранения, ухода, уклонения. У законопослушных испытуемых подобные цветовые ассоциации не обнаружены. Они в 24,6% случаев давали на понятие «совесть» ассоциацию с синим цветом, интерпретируемым как принятие, гармония, доверие и бесконфликтность. В (21,3%) случаев «совесть» ассоциировалась с красным цветом, символика которого более двойственна – это активность, энергия, но одновременно и напряженность, агрессия. Представляется, что это полностью отражает характер совести, которая иногда грызет.

Аналогичным образом 20,8% коррупционеров «нейтрализовало» серым цветом и понятие «мораль», столько же ассоциировало его с зеленым цветом. В психологии цвета М. Люшера символика зеленого – стабильность, уверенность, настойчивость приверженность нравственным ценностям. Испытуемые из контрольной группы также связывали понятие «мораль» с зеленым (21,3%) и синим (24,6%) цветами. Ассоциаций с серым цветом у них не обнаружено.

Наибольшее внимание привлекли ответы обследованных, вошедших в обе группы, по таким понятиям, как «закон» и «власть». Ценность закона у коррупционеров и законопослушных лиц различалась весьма существенно (23-е место, 4-я четверть у коррупционеров и 16-я позиция, 3-я четверть в контрольной группе; разница рангов достигла здесь 7). Столь низкому рангу закона у коррупционеров можно дать двойное объяснение: возможно, это свидетельство имеющегося у них деформированного правосознания, которое как раз и послужило одной из психологических предпосылок совершения преступления. В то же время не исключено и другое: будучи осужденными за криминальное деяние, попав под карающий меч закона, преступники особой любви к нему не испытывают. Этому соответствуют и цветовые ассоциации с данным понятием – 23,7% обследованных коррупционеров связали слово «закон» с черным цветом, что по М. Люшеру символизирует отрицание, неприятие, протест, враждебность, стремление к разрушению, уничтожению. Полученный результат согласуется с данными А.А. Кашкарова. В его исследовании на значимость ценности закона указали чуть менее пятой части опрошенных коррупционных преступников (заняла 15-е место в перечне из 23) [4, с. 106].

Парадоксально другое – 16-е место ценности закона в ранжированном ряду у законопослушных граждан, значительную часть которых составляли как раз служители закона, профессиональные юристы. Здесь цветовые выборы несколько позитивнее. С синим цветом (принятие, доверие) проассоциировали «закон» 32,8% опрошенных. Правда, здесь не исключено альтернативное цветовой символике М. Люшера объяснение: поскольку существенная часть контрольной группы составляли прокурорские работники, возможно, что они проассоциировали это понятие с синим цветом прокурорского мундира («закон – это я»). В то же время не может не тревожить то, что и в группе законопослушных испытуемых 14,8% выдали ассоциацию с черным цветом.

Еще более негативное отношение высказали обследованные, вошедшие в обе группы, к понятию власти. Здесь необходимо сделать некоторые уточнения, поскольку данное слово может истолковываться и пониматься двояко. Его можно рассматривать как ценность, жизненную цель («стремление к власти»). Именно этот смысл вкладывали в него авторы, включая данное слово в список оцениваемых понятий (аналогично значению шкалы «власть» теста О.Ф. Потемкиной). Однако большинство обследованных из обеих групп интерпретировали его иначе, имея в виду другое значение – как систему органов власти, государственных институтов (что следовало из комментариев многих лиц, выполнявших данный тест: «Да уж, наша власть...»). Данное понятие у представителей этих самых государственных органов оказалось на предпоследней позиции в ранжированном ряду (27-й ранг из 28 возможных). При этом рекордные 36,1% законопослушных граждан проассоциировали его с черным цветом, означающим неприятие и отвержение. Правда, 23% связали «власть» с синим цветом принятия и поддержки, однако, как уже говорилось, тут не исключена ассоциация с прокурорским мундиром, олицетворяющим властные полномочия.

Не многим лояльнее оказались и коррупционеры, у которых это понятие стоит на 25-м месте в общем ряду из 28 позиций. Удельный вес ассоциаций с черным цветом здесь составил 27,8%. 25,0% проассоциировали «власть» с лиловым цветом, символизирующим иррациональность, стремление к внешнему эффекту, непредсказуемость.

По совокупности данные результаты, скорее всего, являются проявлением *социальной аномии* – отчуждения людей, причем не только преступников, но и «условно законопослушных» государственных служащих, от общества и государства, декларируемых ими норм и моделей поведения, отсутствия у обследованных чувства сопричастности к ним. Таким образом, полученный результат подтверждает теорию «коррупционной нормы», предложенную О.В. Ванновской. Согласно этой концепции «...коррупция является нормой в системе государственной службы в условиях тотального отчуждения госслужащих от ценностей нормосообразного поведения. Данное положение имеет смысл для общественной системы, в которой наблюдается явное расхождение между декларируемыми нормами морали и права и реализуемыми нормами поведения внутри профессионального сообщества, в данном случае сообщества государственных служащих. При этом в средствах массовой информации может декларироваться противодействие коррупции как задача государственной системы, но в реальности существующие коррупционные сети не допускают эффективных антикоррупционных мер» [3, с. 132].

Представляется весьма существенным соотношение рангов понятия «закон» с рангами ценностей «благополучия» и «престижа». Здесь выявляется весьма показательное различие между коррупционными преступниками и законопослушными обследуемыми. Так, для государственных служащих достаток (7-й ранг), престиж (11-й ранг) и карьера (13-й ранг) важнее, чем закон (16-й ранг), но он, в свою очередь, более значим, нежели богатство (17-й ранг), честолюбие (19-й ранг), роскошь (20-й ранг) и выгода (22-й ранг). То есть обладание некоторым средним уровнем социальных благ важнее, нежели выполнение требований закона. Тогда как достижение более высокого материального положения, извлечение выгоды, реализация честолюбивых амбиций менее значимы, чем требования закона и соотносятся с ним.

Иная картина выявляется у коррупционных преступников. Для них ценность закона (23-й ранг) ниже, чем все ценности статуса и обладания. Соответственно, нормы закона не являются реальным регулятором социального поведения и не выступают внутренним препятствием, своеобразным «фильтром», блокирующим постановку и достижение противоправных целей либо достижение поставленных целей незаконными средствами.

Таблица 3

Ценности статуса

Понятие	Коррупционные преступники		Контрольная группа		Разница рангов
	Четверть	Ранг	Четверть	Ранг	
Уважение	1	3	1	4	-1
Честолюбие	2	11	3	1	-8

				9	
Карьера	2	13	2	13	0
Престиж	2	14	2	11	3

При сравнении рангов понятий, связанных с социальным статусом субъекта, выявились существенные расхождения между основной и контрольной группой лишь по одному понятию – «честолюбие». Несмотря на резко упавший социальный статус осужденных коррупционеров, они показали себя более амбициозными, нежели законопослушные испытуемые. В то же время 16,7% коррупционных преступников «заблокировали» эту малодостижимую для них сейчас (а возможно и в будущем) ценность, проассоциировав ее с серым цветом, олицетворяющим безразличие и отказ. В целом же, понятия, характеризующие данную группу ценностей, находятся в первой половине перечня («предпочитаемые»).

Таблица 4

Личностные качества

Понятие	Коррупционные преступники		Контрольная группа		Разница рангов
	Четверть	Ранг	Четверть	Ранг	
Самостоятельность	1	1	1	3	-2
Порядочность	1	2	1	5	-3
Ответственность	1	4	1	1	3
Независимость	1	5	2	9	-4
Практичность	2	9	3	15	-6
Решительность	3	15	2	14	1
Предприимчивость	3	17	3	18	-1
Прагматизм	3	20	3	21	-1
Хитрость	4	26	4	25	1
Изворотливость	4	27	4	28	-1

Сопоставление ранговых рядов оценок, данных преступниками и контрольной группой по личностным качествам, показало, что по большинству из них позиции представителей обеих групп были достаточно сходными. При этом качества, которые по литературным источникам приписываются коррупционерам (хитрость, изворотливость, предприимчивость), одинаково негативно расценивались в обеих группах и занимали

последние позиции в ранговых рядах. Там же оказался и прагматизм, хотя по данным опросных методик преступники показали высокую прагматичность. Вероятно, какие-то негативные ассоциации здесь вызвало само слово, имеющее в обыденном сознании отрицательные смысловые оттенки, поскольку очень близкое по значению понятие «практичность» коррупционеры оценили значительно выше (9 ранг). Разница с представителями законопослушной группы тут составила 6 рангов.

Наиболее высокие места в ряду получили качества, связанные с внутренним локусом контроля, выявленным у обследованных – самостоятельность, ответственность. В обеих группах эти понятия ассоциировались с синим и зеленым цветами (принятие, справедливость, настойчивость, упорство, целеустремленность). Эти данные согласуются с результатами, полученными по опросным методикам (первое место качества «ответственность» по шкале инструментальных ценностей М. Рокича в обеих группах, внутренняя направленность локуса контроля по тесту УСК).

Очень высоким в обеих группах был ранг такого интегрального морального качества, как порядочность. При этом коррупционеры оценили его даже выше, нежели законопослушные испытуемые (соответственно 2-е и 5-е места в ранговых рядах). Другое дело, какой смысл они вкладывают в это слово. Можно полагать, что объем понятия «порядочность» у данной категории обследованных уже, чем у представителей контрольной группы и не относится к характеру их взаимодействия с законом и властью (отношение к которым, как показано выше, у них негативное), а распространяется на достаточно узкий круг людей, входящих в значимое окружение, референтную группу (аналогично тому, как высокое место качества «честность» по тесту М. Рокича не относится к их отношениям с государством).

Таблица 5

Отношение к риску

Понятие	Коррупционные преступники		Контрольная группа		Разница рангов
	Четверть	Ранг	Четверть	Ранг	
Риск	4	24	4	23	1
Осторожность	4	22	4	24	-2
Опасность	4	28	4	26	2

Данные понятия оцениваются представителями обеих групп сходным образом. Все они занимают последние позиции в перечне. Какие-либо межгрупповые различия здесь отсутствуют. Полученные результаты свидетельствуют о низкой значимости для всей выборки обследованных как ценности риска, так и его противоположности – осторожности, осмотрительности.

Завершая обсуждение полученных по тесту ЦТО данных, следует остановиться еще на одном интересном результате. Известно, что эта методика была создана на основе цветового теста Люшера, направленного в первую очередь на диагностику актуального

состояния обследованного. Процедура исследования в части ранжирования цветов позволяет оценить, насколько комфортно человек чувствует себя, выявить эмоциональные установки к окружающей действительности. В ходе разработки теста определенный порядок выбора цветов (3 4 2 5 1 6 0 7) был принят за *аутогенную норму* (так называемая норма Вальнефера–Люшера, подтвержденная Ю.М. Филимоненко и др. [9]⁴), являющуюся индикатором психологического благополучия субъекта. Чем выше индивидуальный показатель суммарного отклонения от аутогенной нормы, тем хуже психоэмоциональное состояние обследованного.

Для группы преступников усредненный ранговый рейтинг предпочтительности цветов, подсчитанный по методу Г. Клара⁵, был следующим: 2 4 3 5 1 0 6 7. Суммарное среднегрупповое отклонение от аутогенной нормы было равно 6 баллам, что соответствует низкому уровню значения. Для контрольной группы рейтинг цветов был достаточно сходным: 2 4 3 1 5 6 0 7. В этом случае суммарное отклонение также равнялось 6.

Это означает, что в обеих группах большинство состояло из лиц, характеризующихся высокой нервно-психической устойчивостью, продуктивностью и целенаправленностью поведения, оптимистичностью, готовностью к преодолению трудностей, верой в собственные силы. Им присущи высокий уровень волевого самоконтроля, способность к длительной интенсивной работе, умение мобилизовать имеющиеся психологические ресурсы в стрессовых ситуациях.

Высокую оптимистичность (даже выше, чем у представителей контрольной группы) продемонстрировали коррупционные преступники и по тесту «Смысл жизни», однако в нем она рассматривается не как характеристика состояния субъекта, а как устойчивое свойство, мера удовлетворенности своей жизнью.

Полученные результаты вполне понятны для находящихся в привычных условиях государственных служащих, имеющих достаточно престижную и относительно неплохо оплачиваемую работу, перспективы дальнейшего карьерного роста. Однако подобный оптимизм, выявленный у заключенных, вызывает вопросы. Как, за счет чего люди, приговоренные судом к отбыванию длительных сроков наказания, пережившие крах успешной служебной карьеры, утрату высокого социального статуса, обремененные порой миллионными штрафами, разлученные с семьей, находящиеся далеко не в самых комфортных условиях в местах заключения, лишены привычных удобств, выполняющие тяжелую, малоквалифицированную работу, демонстрируют позитивное психоэмоциональное состояние и оптимизм на том же уровне, как и успешно социализированные государственные служащие, обладающие всеми теми социальными благами, которых лишены (а некоторыми не смогут обладать и в будущем) осужденные. Можно полагать, что здесь мы сталкиваемся с мощным действием механизмов психологической защиты, направленных на устранение из сознания негативной, травмирующей информации для сохранения душевного комфорта, самоуважения.

⁴ См.: [11, с. 121].

⁵ См., например: URL: http://psychologist.n1-v-spb.ru/portals/9/pokazately_po_luscheru.pdf

Выводы

1. Результаты исследования по опросным и проективной методикам (в части, где они пересекались) продемонстрировали высокую согласованность, что свидетельствует об их достоверности. Так, по результатам анализа данных, полученных по ЦТО, выявляется высокая значимость для лиц, вошедших в обе группы обследованных, таких ценностей, как самостоятельность, ответственность. Это согласуется с результатами, полученными по тестам М. Рокича (инструментальные ценности) и УСК, и также свидетельствует о склонности обследованных брать на себя ответственность за происходящие в жизни события, а не приписывать их внешним влияниям.

2. Наиболее существенный и неожиданный результат, противоречащий как распространенным представлениям о психологических особенностях коррупционеров, так и данным некоторых исследований, заключается в том, что ценность материальных благ (в разных формулировках) для коррупционных преступников и по опросным методикам, и по проективному Цветовому тесту отношений не является ведущей. В ранжированном перечне понятий ЦТО соответствующие показатели находятся во второй его половине и мало отличаются от оценок, данных представителями контрольной группы. Единственным исключением здесь является оценка противоположного меркантильности качества – альтруизма. Отношение к нему у осужденных существенно хуже, чем у законопослушной нормы. Аналогичные либо еще более низкие оценки значимости материальных благ были получены по трем опросным методикам (субтест «Терминальные ценности» М. Рокича, тесты О.Ф. Потемкиной и «Смысл жизни»). Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что материальные ценности занимают невысокое место в общей иерархии ценностей коррупционных преступников.

3. Выявлены высокая значимости для обследованных, вошедших в обе группы, таких нравственных ценностей, как *совесть, мораль, порядочность*, и одновременно малая ценность *закона* (особенно для преступников) и *власти* (для обеих групп). Если негативное отношение к закону у осужденных коррупционеров является свидетельством имеющихся у них дефектов правосознания, то невысокое место, которое ценность закона занимает в иерархии законопослушных обследованных, часть из которых составляют профессиональные юристы, является весьма неблагоприятным фактом. Подобный результат, на наш взгляд, является проявлением социальной аномии, правового нигилизма, отчуждения людей от государства, свидетельствует о существенном рассогласовании представлений людей о законе, праве, с одной стороны, и справедливости, порядочности – с другой.

4. Обнаружено существенное различие между группами по характеру соотношения рангов понятия «закон» с одной стороны и ценностями «*благополучия*» и «*престижа*» – с другой. Для законопослушных государственных служащих наличие некоторого среднего уровня жизненного комфорта ценнее, нежели выполнение требований закона. Но достижение высокого материального положения, богатства, в свою очередь менее значимы, чем требования закона.

Иным образом выглядит иерархия неосознаваемых ценностей у коррупционных преступников. Ценность закона для них находится ниже всех ценностей «*благополучия*» и «*престижа*». Как было показано в проведенном исследовании, сами по себе материальные блага не являются высоко значимыми для коррупционеров. Однако ценность закона еще

менее важна для них. Как следствие требования закона не выполняют у коррупционных преступников роли регуляторов социального поведения. Они не являются сдерживающим фактором при реализации возникающих потребностей, в том числе материальных, и в ситуации выбора способов достижения поставленной цели (причем не обязательно корыстной) ими пренебрегают.

5. Один из парадоксальных результатов исследования заключается в том, что представители обеих групп показали *высокий уровень психоэмоциональной устойчивости, волевого самоконтроля, оптимизма* (причем в последнем случае и как общей тенденции, и как характеристики актуального состояния обследуемых). Если для государственных служащих подобные данные были ожидаемы, то в отношении лиц, отбывающих наказание в форме длительного срока лишения свободы, они необычны (хотя и подтверждались аналогичными результатами по нескольким тестам). Повышенная оптимистичность может быть как проявлением жизнестойкости обследованных, так и следствием действия механизмов психологической защиты, актуализирующихся в эмоционально стрессовых ситуациях уголовного преследования, отбывания наказания.

В целом, результаты настоящего исследования (как и ряда других работ), на наш взгляд, отражают, в первую очередь, сложность самой проблемы детерминации коррупционного поведения, показывают, что здесь не может быть простых ответов и легких решений.

Литература

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. Т 5. 1984. № 3. С. 152–162.
2. Бажин Е.Ф., Эткин А.М. Цветовой тест отношений (ЦТО). Методические рекомендации. Л., 1985. 18 с.
3. Ванновская О.В. Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2011. № 3. С. 130–135.
4. Кашкаров А.А. Социально-психологическое исследование состояния должностной преступности в органах публичной власти в Республике Крым и городе Севастополе. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. 154 с.
5. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Исследование психологических особенностей коррупционных преступников. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 15–34. doi:10.17759/psylaw.2018080202
6. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: «Смысл», 1992. 17 с.
7. Ратинов А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования: сб. науч. трудов / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 1979. С. 3–33.
8. Ратинов А.Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного

- права и криминологии: сб. науч. трудов. М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин
и разработке мер предупреждения преступности, 1981. С. 67 – 86.
9. *Филимоненко Ю.И., Юрьев А.И., Нестеров В.М.* Экспресс-методика для оценки эффективности аутотренинга и прогноза успешности деятельности человека // *Личность и деятельность*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 52 – 57.
  10. *Эткинд А.М.* Цветовой тест отношений // *Общая психодиагностика* / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 221–227.
  11. *Эткинд А.М.* Цветовой тест отношений: практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988. С. 119 – 122.

Research of psychological features of corruption criminals with the help of projective technique

Kroz M.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Leading Researcher of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation (*m.kroz@mail.ru*)

Ratinova N.A., PhD (Psychology), Leading Researcher of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation (*ratinova.n@yandex.ru*)

The article presents the second part of the psychological study of the identity of corruption criminals. The results obtained by the projective method "color test of relations" in comparison with the data of survey methods presented earlier are presented. The theoretical basis of the study was the value-normative theory of the offender A. R. Ratinov, so the main attention was paid to the analysis of the value system of corrupt officials. Features of realized and unconscious valuable preferences of corruption criminals and law-abiding citizens were revealed, their comparison is carried out. The most and least significant values, defects of legal consciousness are defined.

Key words: corruption criminals, personality, value orientations, sense of justice, color test of relations.

References

1. Bazhin E.F., Golyunkina E.A., Etkind A.M. Metod issledovaniya urovnya subektivnogo kontrolya [The method of research of the level of subjective control]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 1984, Vol. 5, no. 3, pp. 152 — 162.
2. Bazhin E.F., Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii (TsTO). Metodicheskie rekomendatsii [the Color test of relations (TSC) method. recommendations]. Leningrad, 1985. 18 p.
3. Vannovskaya O.V. Obosnovanie kontseptsii korruptsiionnogo povedeniya gossluzhashchikh [Substantiation of the concept of corrupt behaviour of civil servants]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. «Psikhologicheskie nauki» [Bulletin of Moscow state regional University. Ser. «Psychological science»]*, 2011, no. 3, pp. 133 — 134.
4. Kashkarov A.A. Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie sostoyaniya dolzhnostnoi prestupnosti v organakh publichnoi vlasti v Respublike Krym i gorode Sevastopole [Socio-psychological study of the state of official crime in public authorities in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol]. Krasnodar: Publ. Krasnodarskii universitet MVD Rossii, 2015. 154 p.

5. Kroz M.V., Ratinova N.A. Issledovanie psikhologicheskikh osobennostei korrupsionnykh prestupnikov. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo*. [Psychology and Law], 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 15–34. doi:10.17759/psylaw.2018080202.
6. Leont'ev D.A. Metodika izucheniya tsennostnykh orientatsii [Method of studying value orientations]. Moscow: Publ. «Smysl», 1992. 17 p.
7. Ratinov A.R. Psikhologiya lichnosti prestupnika. Tsennostno-normativnyi podkhod. Lichnost' prestupnika kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov [Psychology of the criminal's personality. The value-normative approach, the identity of the offender as an object of psychological studies: collection of scientific works]. Moscow, 1979, pp. 3 — 33.
8. Ratinov A.R. K yadru lichnosti prestupnika. Aktual'nye problemy ugovornogo prava i kriminologii. Sbornik nauchnykh trudov [To the core of the identity of the offender // Actual problems of criminal law and criminology: collection of scientific works. labours']. Moscow, 1981, pp. 67 — 86.
9. Filimonenko Yu.I., Yur'ev A.I., Nesterov V.M. Ekspress-metodika dlya otsenki effektivnosti autotreninga i prognoza uspeshnosti deyatel'nosti cheloveka [Rapid method for assessing the effectiveness of anger management and prognosis of the success of the activities of the person]. *Lichnost' i deyatel'nost'* [Personality and activities]. Leningrad, 1982, pp. 52 – 57
10. Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii. Obshchaya psikhodiagnostika [Color test relations. General diagnostics] In Bodalev A.A. (eds.). Moscow: Publ. Mosk. un-t, 1987, pp. 221 — 227.
11. Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii. Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnosticheskie materialy [Color test of attitudes: a workshop on psychological diagnostics. Psychodiagnostic materials]. Moscow, 1988, pp. 119 – 122.